

1350 агитаторов беседуют с избирателями

ВАЛУЙКИ. (Наш корр.). На предприятиях и в колхозах работают 1350 агитаторов, которые беседуют с избирателями о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР.

Райком партии утвердил группу докладчиков из партийного и советского актива.

При районном и железнодорожном партийных кабинетах созданы специальные витрины с избирательной литературой. Городская библиотека открыла выставку литературы для агитаторов и докладчиков. В городе и на селе организуются консультационные пункты. Несколько докладов будет прочитано для репатрированных граждан.

Намечено провести специальные собрания с молодыми избирателями, которые будут впервые участвовать в выборах.

В селах оживилась агитационная работа

В колхозах Белгородского района с каждым днем все шире разворачивается подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. В селе Стрелецкое проведено совещание агитаторов, на котором обсуждался доклад секретаря парторганизации т. Везенцева о задачах сельских коммунистов в избирательной кампании.

В артелях села проведены массовые собрания колхозников, на которых руководящие работники района выступили с докладами об источниках силы и непобедимости Советского Союза.

Большую помощь агитаторам оказывает сельская библиотека. Здесь подобрана литература для лекций и бесед, проводятся инструктивные доклады, работает кружок по изучению подожерия с выборами в Верховный Совет.

Хорошо проводят агитационную работу в звеньях агитаторы Лидия Хитко, Иван Клавкин, Праксovia Мамина, Екатерина Черных. В колхозах стали чаще выходить стенные газеты, показывающие опыт массово-политической работы по подготовке к выборам. Учащиеся старших классов средней школы Марченко, Пономарев, Мамин возглавляют коллектив художников, которые пишут для колхозов лозунги, рисуют плакаты. Учителя средней школы тт. Везенцев, Юхневич, Пономарев, Бондарь и Жуков выступают среди колхозников с политическими докладами.

И. ПОНОМАРЕВ.

Четыре года Николай Васильевич Лобков шагал по фронтовым дорогам. Тысячами километров измеряется путь, пройденный им за войну. Он дрался под Курском, грудью своей защищал город Ленина, бил врага на его собственной территории.

Отгремели залпы войны. Молнией пролетела над миром весть о победе, а вскоре и весть о демобилизации. Старшее поколение воинов, завоевавшее победу, возвращалось в родные места к мирному созидательному труду. Среди них был и Николай Васильевич Лобков.

Недавно он, приехав в Курск, снова вернулся в свой цех на табачную фабрику, где до войны проработал 15 лет. Здесь он работает сейчас мастером-бригадиром крошильного цеха.

Фото О. Сизова.

На линкоре „Октябрьская революция“

КРАСНОЗНАМЕННЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ, 10 ноября. (ТАСС). 7 ноября у моряков линкора „Октябрьская революция“ — двойной праздник. 20 лет назад в этот день линкор, называвшийся раньше „Гангут“, получил свое новое наименование. Это было признание больших заслуг корабля в Великой Октябрьской Социалистической революции — его моряки по зову партии большевиков и советского правительства в ударных отрядах мужественно защищали Петроград от интервентов, принимали участие в подавлении контрреволюционных мятежей на фортах „Красная Горка“ и „Серая лошадь“. Отряды

гангутцев крепко били белые банды Юденича.

В дни Великой Отечественной войны моряки „Октябрьской революции“ умножили славные традиции своего корабля. Огонь тяжелых орудий линкора вносил опустошения в ряды гитлеровцев, рвавшихся к Ленинграду. Артиллеристы линкора разгромили не мало вражеских батарей, танковых колонн, сбивали десятки самолетов. Храбро сражались моряки „Октябрьской революции“ на подступах к Ленинграду в рядах морской пехоты. В тяжелых боях десятки и сотни краснофлотцев и офицеров прославились славными подвигами.

Здание построено за 26 часов

ВОРОШИЛОВОГРАД, 10 ноября. (ТАСС). Пять дней назад на одной из окраин города был пустырь. Теперь на нем выросло кирпичное здание — первый цех деревообделочного комбината. Он имеет 35 метров длины и 16,5 ширины. Строители, применив метод знатного ленинградского каменщика Андрея Куликова, возвели стены за 26 рабочих часов.

Памятник Сулейману Стальскому

МАХАЧКАЛА, 10 ноября. (ТАСС). В центре Приморского бульвара, где находится могила народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского, заложен памятник великому ашугу.

Памятник будет открыт к 25-летию Дагестана.

Снова в родной семье

Звонкоголосое детство Шуры Михалевой прошло на окраине Курска среди пышных щемилевских садов.

Весной, когда бело-розовые кисти яблок склонились чуть ли не до самой земли и мохнатые неповоротливые шмели гудели над ними, Шуру было почти невозможно дозваться домой. Покидая сад и улицу, она всегда боялась, что чего-то не досмотрит, чего-то не дослушает, и что самое радостное и хорошее произойдет без нее, Шуры. Она вечно торопилась. Куда? Да разве молодость знает, куда спешит!

Третьего ноября, когда в Курск вошли зеленые шинели, Шура сама пришла в маленькую мамину кухню. Она сидела между столом и плитой и вздрагивала, когда открывалась дверь.

Жизнь будто поменяли. Люди, улицы и дома стали совсем другими. Исчезло желание говорить с людьми и ходить по улицам.

Теперь мама часто плакала. Отец Шуры отступил в тот момент, когда немцы занимали окраины Курска.

Хмурый сентябрьский день. У полуразрушенного вокзала — красные товарные вагоны...

Сейчас нас погрузят в них, как телят, и повезут в темную Германию... — с тоской думала Шура.

Нахмурилось небо, тучи, словно полчища великанов, закрыли его. Метнулись огромные копыта молний, и страшный грохот обрушился на землю. Хлынул ливень...

Хороший признак, все назад воротитесь, девоньки, — зашептала на ухо провожавшая ее бабушка. — Крепись, внученька — терпеливы мы, русские, выносливы!

Поезд давно уже несся по обезображенной, опаленной русской земле, а перед Шурой все стояла худенькая фигурка братишки Миши. Она видела перед собой до синевы бледное лицо с глубоко запавшими глазами. Братишка смотрел на нее, крепко скрестив на груди руки. — Так провожают покойника — думала Шура. — Что-то ждет здесь тебя, братишка?

Люта неволя! Нет на свете ничего горше ее. О ней, об этой неволе скупое и правдиво рассказывает оранжевая тетрадка — дневник Шуры Михалевой. По ночам, в темном, сыром баракке торопливо набрасывала русская девушка строки правды:

10 октября. Случилось то, во что трудно, невозможно было бы поверить год тому назад. Мы — на каторге. Мы рабыни этих проклятых приспешников Гит-

лера... О!... Это непереносимо! Мы потеряли свободу, родину. Мой номер 579. Он заменяет мне имя.

15 октября. Они бьют нас, бьют. Сегодня в столовой произошла ужасная, возмутительная сцена. Мы не смогли больше есть суп с гнилой брюквой и объявили голодовку. Тогда была вызвана полиция, и началась дикая расправа с женщинами и девушками... Мы сбились все вместе, в воздухе свистел кожаный ремень с тяжелой медной бляхой, мы старались закрыть лица, спрятать глаза, многие рыдали. Мамочка! Мамочка! Да что же это? За что?

17 октября. Ночью в соседнем баракке пыталась повеситься девушка Катя. Если бы не золотая надежда снова увидеть и поцеловать свою родную землю, кто знает...

21 октября. Боже мой! Как тяжело, с каждым днем здесь становится все тяжелее... Моральные и физические страдания сплетаются вместе. Как невыносимо хочется есть.

3 марта. Десятый час вечера, совсем темно. Все, все здесь чужое. Постылый город Вальтерсхаузен, город врагов моих, как я ненавижу тебя!

Кто-то из девушек затянул унылую песню:

«Колочей проволокой наш лагерь обнесен, Глядят на нас врагов глаза суровые!»...

Кто-то в минуту грусти сложил эту песню. Такую тоску наводит она, что кажется, сердце не выдержит и разорвется.

Обрываю записки... вой сирены, воздушная тревога... Летят и летят английские самолеты. Может быть, вы несете нам смерть, может быть избавление от смерти? Все равно, добро пожаловать!

31 марта. Ура! Ура! Скоро мы будем свободными. Ветер доносит до нас дыхание нашей прекрасной родины!

...В тихом уютном домике Михалевых давно уже не было такого оживления, давно уже в нем не было так шумно и весело. К Шуру пришли ее школьные друзья: Олег Заозерский, только что возвратившийся с фронта, получивший в боях с немецкими захватчиками ранение, — Саша Каплунов и Рая Сергеева.

— Расскажи же нам, Шура, про свою жизнь в Германии, — попросил Олег.

— Нет, не буду, ничего не буду говорить вам! Тяжело вспоминать этот страшный сон.

Теперь Шура снова в родной семье.

Л. ШЕЛЕСТ.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ...

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ОБОРОНЫ
ПОРТ-АРТУРА В 1904 г.

В наши дни исторических побед русского оружия на западе и на востоке, в моей памяти особенно свежи и ярки незабываемые месяцы осады Порт-Артурса.

Четыре десятилетия прошло с тех пор, как во время русско-японской войны 1904 года группой предателей и трусов была позорно сдана японцам русская крепость Порт-Артурс. Ее гарнизон готов был к длительной борьбе, солдаты сжились с мыслью, что будем драться до последнего.

Вначале в сдачу не верили, слишком это было чудовищно. Официально ничего не объявлялось, но все подтверждало страшный слух. Перестрелка стала затихать, замолчали бывшие по Порт-Артурсу с Волчьих гор 11-дюймовые пушки Крезю.

И вот настала жуткая тишина. Настроение гарнизона было подавленное. В окопах раздавались возмущенные голоса: «Как! Мы полили эти окопы своей кровью, а теперь будем сдавать их японцам!» По адресу командовавшего

крепостью генерала Стесселя слышна была брань.

Когда японские войска начали занимать форты, с бухты, с фортов стали раздаваться взрывы. Это защитники топили суда, приводили в негодность крепостные орудия и сооружения. Все солдаты гарнизона должны были сдать оружие и отправиться в Японию. § 7 акта о капитуляции гласил: «В воздаяние храбрости портартурского гарнизона все офицеры имеют право, сохранив оружие и взяв с собой денщика, уехать на родину, давши слово русского офицера не сражаться против Японии в этой войне».

Около половины гарнизона, в том числе и я, тогда поручик, решили разделить участь солдат, с которыми перенесли все тяготы 11-месячной блокады. Разоружение происходило на Казачьем плацу. Отъезжавшие на родину офицеры старались не смотреть на нас, отправлявшихся в плен. Много было тяжелого в жизни, но тяжелее этих минут не помню.

...Уже в японском городе Мацуяма власти спохватились, что у

них в плену русские офицеры с оружием. Полковник Каоно, комендант города, издал приказ о разоружении. В нем указывалось, как должны вести себя при сдаче оружия пленные офицеры Порт-Артурса: кланяться, приседать, вообще выражать как можно больше почтения. Мы отказались это исполнить. На следующий день нас собрали на дворе.

Заставив прождать более часа, приехал полковник Каоно и предложил подчиниться его приказу, но мы и на этот раз не согласились и указали, что оружие могут взять без унижительной церемонии. Тогда Каоно махнул белой перчаткой, и в ворота вбежал взвод японских солдат, взял «наизготовку» и замер в ожидании команды. «Дядя, что они делают?» — спросила 8-летняя Оля, взятая нами в Японию (ее отец — офицер и мать — сестра милосердия погибли в Порт-Артурсе). Вместо ответа, я схватил ее на руки и отнес в сторону, а сам вернулся на свое место.

«Может быть, вы все-таки исполните мой приказ?» — с многозначительной улыбкой показал на ружья Каоно.

— Русский офицер два раза не говорит, — раздался низкий бас капитана Кузина,

Спокойно стояли мы под дулами, смело и гордо смотря на наших хозяев. Взмешенный Каоно стал распоряжение обойти казармы и собрать оружие и, бросив на нас свирепый взгляд, уехал не солоно хлебавши... Японский плен я провел в г. Мацуяма.

После заключения мира через Владивосток нас отправили в Харбин, где формировались наши полки. От тех, кто не поехал в плен, мы узнали, что они представлялись главнокомандующему царю и получили ордена и повышение в чине. Мы никому не представлялись и никаких наград не получали. Но для нас была высшей наградой запись в послужных списках: «По капитуляции крепости Порт-Артурса пошел добровольно в плен для разделения участи солдат».

Как все портартурцы, я имел серебряную медаль с надписью: «Да вознесет вас господь в свое время». Долго я ломал голову над ее расшифровкой, но только много лет спустя узнал ее происхождение. Еще японская война не была закончена, а царю представили проект медали со словами: «Да вознесет вас господь». Царь нашел доклад преждевременным и наложил резолюцию: «В свое время». Авторы доклада, вообразив, что царь пожелал сделать доба-

вление к тексту медали, так ее и отчеканили.

Эта надпись, составившая по недоразумению, оказалась пророческой. Время настало. 40 лет во мне жила обида за сдачу Порт-Артурса, в котором осталась и моя частичка крови. Я ждал отмщения, и оно совершилось.

2 сентября 1945 года я слушал обращение нашего великого Сталина ко всему народу.

«...Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелое воспоминание. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. 40 лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил».

Всклохнуло меня, старого портартурца, эти вещие слова. Казалось, сердце сбросило с себя эти 40 лет. Мало нас осталось, чтобы порадоваться блистательному реваншу, который дала Красная Армия под руководством великого вождя, Генералиссимуса товарища Сталина. Я счастлив, что дожид до этого дня.

Борис Владимирович ГЕЙНЦЕ, механик-настройщик Суворовского училища.